

Галина Романова

ПРИЗРАК ДРУГОЙ
ЖЕНЩИНЫ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *Л. Латышова*
Оформление серии *Н. Ярусовой*
Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Романова, Галина Владимировна.
Р69 Призрак другой женщины : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2027. — 352 с.

ISBN 978-5-04-254544-3

Катя спокойно жила в унаследованном от бабушки добротном деревенском доме и не собиралась ничего менять в своей жизни. Все произошло помимо ее воли. В один момент ее размеренное существование превращается в самый настоящий кошмар: успешный бизнесмен Астахов требует продать ее жилище за огромные деньги. Небольшой дом в сельской глуши не может стоить столько, да и не собирается Катя бросать бабушкино наследство. Астахов же намерен отобрать его у Катерины, причем неважно каким способом. Но кто-то смешал все карты неудачливому покупателю — практически у ворот пресловутого дома обнаруживаются два выпотрошенных трупа охранников бизнесмена, неподалеку мертвое тело самого Астахова со следами пыток, а чуть дальше найден директор детского дома, наспигованный пачками пятитысячных купюр... Да, в сомнительную историю впутала Катю умершая бабушка, которая, оказывается, ни много ни мало когда-то работала на зоне и охраняла матерых уголовников...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2027
ISBN 978-5-04-254544-3 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

ГЛАВА 1

Ужасная полоса в ее и без того незадавшейся жизни началась двадцать девятого февраля. Ни днем раньше, ни днем позже.

Все логично, если задуматься. Високосный год. Двадцать девятое февраля как раз его и знаменует своим присутствием в календаре. Так что удивляться было смешно и глупо. А она все равно удивилась! Удивилась, вздрогнув от громкого стука в ворота. Удивилась, насторожилась и затихла.

Кого черт несет? Вопрос резонный, поскольку просто так, без предупреждения, в гости к ней почти никто не ходил, все больше по делам. Тем более таким ранним утром — на часах было семь тридцать. Тем более в воскресенье. И что с того, что она поднялась в шесть утра, хотя было воскресенье? И что с того, что она сидела, не включая света, и паялилась в темный прямоугольник незанавешенного кухонного окна? Никого же на улице не касалось, что она вскочила ни свет ни заря и уселась у окошка? Нет. Никто же не знал,

что ее всю ночь мучили какие-то кошмарные кошмары, и в горле поэтому пересохло, и она выпрыгнула потная из койки и помчалась в кухню попить? Нет, не знал.

А кто тогда к ней ломится?! Чего кому надо?!

Катя плотнее вжалась в старенькое трухлявое кресло, стоящее у самого подоконника — сколько она себя помнила, оно всегда там стояло. И настырно уставилась за окно.

Высокие добротные ворота, бей в них кулаками, ногами, башкой — выдержат. Хвала бабке, упокой, господи, ее злобную грешную душу. Она расстаралась, выстроила и дом большой и крепкий, и забором обнесла из неструганого бруса, и воротами сей забор увенчала такими, которые натиск разрозненных вражеских сил выдержат запросто.

Так что тому, кто сейчас молотил по воротам со стороны улицы, придется убраться восвояси. Катя не откроет. И из дома не выйдет даже для переговоров. Она останется сидеть в трухлявом креслице и станет наблюдать за медленным рассветом, жиденькой полоской забрезжившим на востоке. Окна кухни как раз выходили на него.

Грохот прекратился минут через десять. Катя приподнялась, откинула до конца шторку, потянула на себя форточку, прислушалась. Шагов за забором слышно не было, но доносились звуки какой-то возни. Чем-то кто-то гроыхал, что-то подтаскивал и чертыхался до боли знакомым отвратительным голосом.

Витек! Ну конечно! Кого еще могло принести в воскресное утро в семь тридцать? Только его,

сердешного, мающегося постоянным похмельем. Только он мог позволить себе беспокоить честных граждан, когда ему вздумается, руководствуясь при этом одним-единственным принципом: если ему плохо, то плохо должно быть всем.

Над кромкой двухметрового забора возник заячий треух. Потом исчез, потом снова появился, и уже через минуту Витькина одутловатая рожа легла подбородком на бревенчатый срез. Катя скорее угадала это, чем увидела, хотя темнота заметно рассеялась, проступив неясными силуэтами деревьев.

— Катька-а! — заорал он. — Вставай! Вставай и ворота отопри, дело срочное!!!

Катя не двинулась с места.

Может, повезет и этот алкаш уберется? Может, подумает, что она спит? Что ее нет дома...

Хотя нет. Ее машинка — маленький, сизого цвета «Опель» — у дома. Ее он теперь точно углядел, повиснув на заборе. Значит, хозяйка дома. И спать она из-за такого шума продолжать не смеет. Чуткая потому что и к шуму, и... к человеческим слабостям. А он — Витька — слаб! Очень слаб перед пороком, которым одержим.

Вот угораздило ее угостить однажды этого алкаша бабкиной самогонкой! Расплатиться решила за перекопанный огород. Расплатилась! Он теперь через день к ней под окна шастает и похмелиться просит.

— Катька-а-а! — голосил между тем Витька, ерзая забывшим бритву подбородком по бревен-

чатоому срезу. — Дело на сто долларов!!! Не вру, ей-богу!!! Спасибо скажешь мне потом, дура!!!

«Он не уйдет», — поняла она с тоской, когда Витьке удалось подтянуться и оседлать забор. Он станет орать, потом прыгнет на землю, пройдет до крыльца и будет колотить заскорузлыми кулаками в дверь.

Катя вышла в коридор, щелкнула выключателем, надела бабкину меховую куртку, предназначенную для кратких визитов во двор. Обулась в ее же резиновые с меховой подкладкой сапоги и начала отпирать замки.

Замков было три. Все с секретом. Последний отпирался, если первые два были не заперты. Иначе никак.

— Мне замки эти лучший медвежатник города делал, — хвалилась бабка Кате. — И на дверях, и на ставнях. В жизни не взлезть в дом! Если только его не взорвать!

Кому понадобилось бы взрывать бабкин дом, Катя не представляла. Как не представляла себе, зачем столько хитроумных запоров в доме старой и почти одинокой женщины. Что прятать-то было?

— О, о, о, понесла, голытьба проклятая! — взрывалась сразу бабка, стоило Кате запутаться в запорах и начать ворчать. — Сами ничего не нажили и чужое готовы просрать!

— А чего тут брать-то?! — изумлялась она, будучи ребенком. — Комод с кроватью?

— Не твоего скудного ума дело! — злилась бабка и подозрительно ощупывала маленькими

глазками каждую стенку, каждый угол, будто бревна проверяла на невредимость. — Родители твои и того не нажили. Забыла, с чем ко мне пожаловала, а? Забыла?!

Нет, не забыла. Она всю жизнь будет помнить, как вернулась из пионерского лагеря домой с дорожной сумкой, а дома-то и нет. Вместо него — обгоревший двухэтажный остов с обуглившимися стропилами и кроватными скелетами. А вместо детской площадки — взрытая колесами пожарных машин грязь. И еще яркая желтая лента, опоясывающая весь двор. И люди, пытающиеся прорваться сквозь ограждение, мимо участкового, которого поставили в наряд на неделю караулить улики.

— Нет там ничего! — орал он, отпихивая погорельцев. — Все уничтожил огонь, разве вы не знаете?

Катя не знала. Она не знала, что уничтожил огонь в ее жизни, когда вылезала из автобуса, доставившего детей из пионерского лагеря. Как-то так вышло, что ей не успели сообщить — ну замотались, — что ее родители погибли в огне, и все ее вещи погибли в огне, и вся ее жизнь была погублена этим огнем. Не сообщили, раскручивая следствие и опрашивая свидетелей. Даже бабке не сообщили. Потом уже был звонок в ее город, потом, после Катиного возвращения. После ее страшной истерики в детской комнате милиции.

Бабке позвонили. Она примчалась тем же вечером на такси, хотя это стоило целое состояние,

на Катин детский взгляд, да и на взгляд бывших соседей, шепчущихся за их спинами. Схватила Катю в охапку, сунула на заднее сиденье желтой машины с таксистскими шашечками, приказав не рыпаться. Подписала кучу каких-то документов в милиции. Через два часа они уже выезжали из города.

— А на похороны-то, Василиса Степановна, не останетесь? — сунулся было кто-то к ней из кучки провожающих их соседей. — Как же так-то? Сын ваш все же! Сноха... Девочке они мать с отцом.

Бабка глянула на тетку так, что та поспешила укрыться за чьими-то широченными плечами.

— Формальности соблюдены. Деньги на похороны оставлены, — объявила она кучке народа, сбившейся в плотное стадо у ступенек милиции. — Схоронят... Да, и еще... Сына своего я в этой обгоревшей чурке не узнала. Так мусора и сказала. Может, и не он это вовсе? А сноху я и вовсе не знала.

— Но как же! — возмутился все тот же настырный голос. — Настя же сноха-то. Настя...

Видимо, припомнили бабкин единственный визит сюда, когда она устроила грандиозный скандал своему сыну, посмевавшему жениться против ее воли. Она недолго задержалась, но Настю — Катину мать — точно видела.

— Как же не знали-то? Настю-то?

— Не знала и знать не желала, — отрезала бабка, села в машину, толкнула таксиста в плечо. — Валим отсюда!

Так Катя оказалась в бабкином доме, который она построила за много лет до страшного пожара. Еще Катин отец тут жил подростком.

Дом был большим, двухэтажным, бревенчатым. С двухметровым бревенчатым же забором и добротными воротами, через которые, если их распахнуть пошире, запросто въезжали в их двор полностью груженные фуры.

Так Катя оказалась в бабкином доме с дорожной сумкой, в которой лежали две смены нижнего белья, две пары колготок, треники, юбка в складку, летнее платье и кеды. В отдельном кармашке — вафельное полотенце, мыльница, зубная щетка и использованный наполовину тюбик зубной пасты. Одета она в тот момент была в легкий сарафан, едва прикрывающий попу, и резиновые шлепанцы.

— И это все твое добро? — презрительно фыркнула бабка, высыпая из сумки Катины вещи на койку перед тем, как отправить все в мусорное ведро. — Негусто. Не особо баловали тебя родители.

Часто потом бабка перечисляла то, что в мусорку вышвырнула, ох часто! Катя поначалу обижалась, плакала, замыкалась в себе. Подолгу не выходила из своей маленькой спальни, которую бабка выделила ей на втором этаже. Потом она научилась терпеть скверный бабкин характер, ее безобразное воспитание и жаргон. А со временем даже привязалась к старой кряжистой женщине, хотя никогда бабушкой ее не называла.

— Василиса Степановна, можно мне?

— Василиса Степановна, так я схожу?

— А если я вот это возьму, то не буду вам должна, Василиса Степановна?

По этому поводу бабка никогда не роптала. Катя подозревала, что ей даже нравилось такое вот уважительное обращение. Это, как считала бабка, держит их на определенной дистанции и не позволяет сблизиться. А сблизаться и уж тем более привязываться к внучке она не хотела.

— Моей крови в тебе ни капли, — ворчала она, пристально рассматривая Катю время от времени. — Ничего от сына! Ни черточки! Настин корень, ее кровь...

Образ матери с годами из ее памяти начал стираться. Отца она вообще помнила смутно. И самое страшное было то, что не осталось на память ни единой фотографии. Все сгорело. Но раз бабка говорила, что она похожа на мать, значит, мать такой и была — высокой, полногрудой, голубоглазой, светловолосой и кудрявой. И часто, рассматривая себя в зеркале уже в большой комнате на первом этаже, куда ей позволено было переехать после ее семнадцатой весны, Катя находила, что мать ее должна была быть очень привлекательной женщиной. И однажды она неосторожно это озвучила. На что бабка, презрительно фыркнув, изрекла:

— Что проку от этой красоты?! Сиськи да ноги! Да лупетки как плошки! И что?! Мозгов-то... Мозгов-то не было ни капли у мамыши твоей! И у тебя нет! Кобыла кобылой выросла!..

Катя не обижалась уже. Научилась за столько лет. Ну грубит, ну орет, ну сквернословит, в обиду-то не дает. И сама приглядывает за ее безопасностью, и людей каких-то просит, Катю часто до школы кто-то сопровождал кустами. Кормила, поила, обувала, одевала. Даже в институт послала.

— Без корочки институтской проку с тебя что с того кустарника, — кивала бывало бабка за окно на коржавый куст смородиновый. — Так, может, хоть на что-то сгодишься. Вот уродилась, прости господи, ни в поле взять, ни дома оставить.

— Я же хорошо учусь, Василиса Степанна, — возражала Катя, поднимая голову от учебничке. — А вы обо мне как о дурочке.

— Дурочка и есть! — возражала бабка, замешивая тесто на пироги для знакомых дальнобойщиков, некоторым из которых она сдавала угол на ночь, а кормила почти всех, кто заезжал. — Умной была бы, давно уж...

— Что? — Глаза у Кати темнели, потому что она знала, что бабка сейчас заведет с ней разговор о замужестве.

Разговоры эти начались, когда она только школу оканчивала. Но протекало тогда еще все так, без напора. А стоило в институт поступить, так от бабки проходу не стало. Что ни день — то кандидатура на рассмотрение. Катя упрямылась, мотала головой, жмурила глаза, стискивала зубы. А бабка знай напирает.

— Давно бы уже детей нянчила, а то книжки только листать и можешь! — оборачивалась бабка на нее от громадной кастрюли с тестом.

— Успею с детьми, не беспокойтесь, Василиса Степанна.

— А чего мне о тебе беспокоиться-то! — рычала она, с силой опуская в тесто крепкие кулаки. — Я за дом беспокоюсь, за него! Ведь просрешь все, кобыла, просрешь...

— Нет, так не будет, — возражала Катя, дав себе слово уже давно, что останется жить в этом доме и после бабкиной смерти, если, конечно, переживет ее.

— Будет, ой, чует мое сердце, еще как будет! — Бабка на минуту приостанавливала кулачный бой с рыхлой опарой, оглядывала стены с тоской. — Не совладать тебе против них одной-то, Катька!

— Против кого?!

— Против мира этого говенного, девка. Сломают они тебя! Нельзя одной-то, нельзя. Вот три дня назад Макар приезжал...

— О! Боже!!!

— Ты zenки-то не закатывай! — орала на нее бабка, выкатывая огромный шар из теста на большущий стол, посыпанный мукой. — Ты слушай меня, слушай!.. Если я подохну... Если вдруг что со мной, кроме Макара и Митьки, никому больше не доверяй. Поняла?!

Такие разговоры Катя оставляла обычно без ответа. И не потому, что бабкино сватовство ей порядком надоело, а потому, что считала эту крупную кряжистую женщину, в свои семьдесят восемь лет с легкостью таскавшую по два ведра воды на огороде, вечной. Она должна была жить еще очень-очень долго. Даже врач, закрывший

бабке глаза, так сказал. Если бы не тот несчастный случай...

Катя вышла из дома на ступеньки и глубоко вдохнула свежесть февральского утра. Пахло подмороженной водой, схватившейся за ночь ледяной коркой, свежей землей и железной дорогой, расположенной в пятистах метрах от их улицы. Хорошо пахло, привычно, по-домашнему. Если бы не опухшая Витькина рожа, можно было бы считать, что начинающийся день задался. И все ночные кошмары — это свидетельство ее усталости, не более.

— Чего тебе? — Катя сурово сдвинула брови и сунула руки в карманы бабкиной куртки. — Самогонки не дам, предупреждаю сразу!

Витька встал как вкопанный, не добравшись до ступенек. Стянул с лысого черепа заячий трех, смял его в руках и оторопело заморгал, глядя на Катю.

— Понял, нет? Самогонки не дам!

— Матерь Божья... — Витька неистово и неправильно перекрестился, перепутав плечи. Взглянул на нее с обидой. — Как же ты на бабку-то свою похожа, Катька! Такая же злыдня! Утро только-только началось, а ты уже орать! Вылитая Васька! Та горлопанила...

— Эй! — Она вытащила руку из кармана. Пощелкала пальцами из стороны в сторону. — Ты ничего не перепутал, нет? Горлопанишь чуть свет ты! Времени знаешь сколько?!

— Восемь почти, магазин у железки открылся. — Витька задрал лысую башку и поскреб заросший кадык.

— Так и шел бы в магазин у железки, чего сюда приперся?

Катя чуть сбавила обороты. Сравнение с бабкиным нравом ей пришлось не по вкусу. И ведь Витька не первый за последние месяцы, кто говорит ей об этом. Был еще и соседский Лешка, и Макар, тот самый жених несостоявшийся, и Митька. Ото всех досталось, короче.

— В магазине у железки меня больше не кредитуют, — пожаловался Витька и присел на корточки, устав столбом торчать перед «здоровенной девкой», как он ее называл. — И новостей моих купить там нет желающих.

— А я должна? Должна, стало быть, купить твои новости? — фыркнула она и потрянула головой. После тревожного сна волосы ее напоминали развороченный пук сена и лезли в глаза.

— Должна, дура, и купишь. — Витькин сизый рот поехал на сторону, он сплюнул. — Сто баксов, Катька, и ни центом меньше.

Минуту она рассматривала Витьку — закоренелого местного пропойцу, бездельника и побитую рушку. Сказать о нем доброго было почти нечего. Но одно сказать можно было точно — Витька не был вруном. Если он что-то говорил, когда был в состоянии через губу переплюнуть и выговорить, то это было правдой.

— Ладно... Черт с тобой, алкаш проклятый! — Она кивнула, повернулась на резиновых каблук-ках и направилась обратно к двери.

— Эй-эй-эй, Катька! Да погоди ты!!! — взвыл непрошенный ранний гость и рванул за ней сле-

дом, ухватил за рукав куртки. — Ну ладно, не надо денег, выпить налей, а? Нальешь, а?

— Иди за мной, чудовище! — скомандовала она и тихонько про себя посмеялась.

Если честно, она уже двинула в дом за деньгами, слишком уж заинтриговал ее Витька. Если так рано явился, посмел разбудить, да еще и интересничает, значит, новость стоящая. Но он не выдержал первым, и то ладно.

Она втолкнула Витьку в кухню и прикрыла за ним дверь. Повесила бабкину куртку на крюк за кухонной дверью, стянула сапоги, швырнула их обратно в коридор, обулась в тапки. Нырнула в свою спальню и поверх длинной ночной сорочки надела толстый желтый халат.

— О, Катька, ты прямо как лимон! — оскалился Витька в ухмылке и плотоядно покосился на ее грудь. — Богатство-то у тебя какое там, Катюха! И чего бережешь? Для кого бережешь? Митька малый...

— Так! — Она с грохотом поставила на больший, пригодный для хорошего полевого стана стол трехлитровую банку с самогонкой. — Заткнись лучше, если хочешь выжрать!

— О, о, о! Я и говорю, — вылитая бабка! Та тоже так сквернословила. А еще с высшим образованием, называется! Кто ты там получилась-то после учебы? Минджанер или инжанер? — Витька заржал, с гулом сглатывая слюну. — Все равно хамишь, как неуч. Непорядок, Катерина!

Она со вздохом протянула ему граненый стакан, наполненный до половины. Не признать

правоты его упреков в грубости Катерина не могла. С ней в последнее время и правда что-то творилось непонятное. Вот как бабка померла несколько месяцев назад, так и началось. Кошмары какие-то мучить начали, хоть спать не ложись. Шаги за спиной все время мерещились. Дом вдруг наполнился странными звуками. И, что самое странное, говорить и мыслить Катерина вдруг принялась как бабка ее покойная. Так же зло, дерзко и цинично. Может, дом пропитался бабкиным ядом настолько, что источает теперь на нее эти пары?

— Что за новость? — Она задвинула банку за спину, привалившись к столу бедром. — Больше не налью, пока не расскажешь.

— Понял, — кивнул Витька и пошарил глазами по полкам. — Нет в рот-то чего-нибудь закинуть?

— О господи! Дай воды попить, а то так жрать хочется, что и переночевать негде, так?!

Но все равно достала из огромного двухдверного холодильника пару холодных котлет и свежий огурец, отрезала хлеба. Витька смел с тарелки все, не успев присесть. Отдышался, рыгнул, как положено, извинительно прикрыв сизый рот ладонью. Потом сыто глянул на нее осоловевшими глазами и говорит:

— Сносить тебя собираются, Катька.

— Чего?! Чего?!

— Дом, говорю, сносить твой собираются. Новости из первых уст, поверь.

— А еще чей?

Она еще пока не осмыслила ничего до конца, просто решила внести уточнение.

— Больше пока ничей, говорят. Только твоя.

— А что так? Больше ничей, а мой... Нет, тут какая-то лажа, Витек. Кто сказал? Когда? Давай, давай, колись, если хочешь, чтобы я налила тебе еще. Ну!

— Короче, слушай...

Оказывается, еще в пятницу к магазину на железнодорожной станции подъехал большой солидный дядя в большом солидном джипе. Зашел в окружении охранников в магазин, улыбнулся всем оглушительно.

— Бабы от его улыбки оглохли, короче, — пояснил Витька, заметив ее изумление.

Потом этот дядя достал какой-то план местности, разложил на прилавке.

— Позволили ему потому, что он перед этим половину товара купил девкам для плана и премии, — снова внес пояснение гость.

Поводил холеным пальцем дядя по плану туда-сюда, потом ткнул в точку с номером Каткиного дома и начал наводить сведения о владельцах.

— Бабы ему и сказали, что хозяйку мертвой нашли на путях железнодорожных. Мол, упала и голову о рельс раскроила. А в доме ее внучка живет. И все.

Большой дядя тут же обрадовался, сказал, что проблем, как он думает, никаких не будет, еще пошептался в управе с первым замом главы, а потом уехал.

— И в чем мои проблемы? — тут же спросила Катя, потому что Витька замолчал, снова плотно уставившись на ее бок, за которым пряталась банка с самогонкой. — Пока что ты мне ничего стоящего не сообщил, Витя.

— Погоди трындеть-то, — вскинул он вверх заскорузлую растопыренную лапу. — Это еще не все новости. Но...

— Понятно. — Катя налила еще в стакан, швырнула на тарелку еще одну котлету. — Дальше!

— Бабы болтают, что первый зам главы весьма подробно поговорил с дядей. И завтра к тебе собирается наведаться с коммерческим предложением.

— Это каким?

— Предложат тебе переехать в квартиру в новостройке, большую хотят предложить, и какие-то деньги, сумма не уточнялась, — досадливо чмокнул языком Витек, дожевывая холодную котлету.

— А зачем мне это?

— Тебе незачем. А им что-то строить на этом месте приспичило.

— Ах, вон оно что! Снова дом мой покоя кому-то не дает!

Катя ядовито хмыкнула. Предложения о продаже дома начали поступать через неделю после бабкиной смерти. То один купец заявится, то второй, то посредника пришлют. Она всех футболила. Теперь вот решили снести. Только что можно построить на этом месте? Места-то немного! Дом

действительно большой, но большой-то он потому, что два этажа в нем, еще чердак жилой и подпол, где бабка дальнобоям бильярдный стол установила. Огород — четыре сотки, с десятка плодовых деревьев, баня в дальнем углу, сарай с подполом. Всей земли той, на которой дом стоял с огородом, садиком и пристройками, было соток пятнадцать, максимум двадцать.

— Что можно построить на этом месте? Магазин? Нет. Гаражный кооператив — смешно! Кафе? Кто в него ходить будет, место почти необитаемо? Скажи, Витек?

— Ты права, Катька, места тут для строительства действительно — тьфу. И дорогу не проложить: с одной стороны железка, с другой — в завод заброшенный упрется. Он хоть и заброшенный, да принадлежит кому-то, сносить никто не даст. С востока — лесок, хоть и хиловат, да зеленые в морду вцепятся, они сейчас за каждый куст рвут на части, лишь бы о себе заявить. С запада — станция. Нет, дорогой тут не пахнет, как и магазином, и кафе, и прочей байдой.

— Чего тогда им надо?! Какие у тебя-то соображения, Вить?

Катя изумленно взирала на лысого алкаша, сидевшего теперь в согбенной позе на бабкиной табуретке с пустым граненым стаканом в руке. Такой трезвости мысли при такой пьяной роже она от него не ожидала. Хрыч ведь распоследний, пьяница, побирушка и бездельник, но как рассуждает...

— Думаю, что интерес весь в доме этом, Катька. — Витька постучал пяткой в стоптанном ботинке по полу. — Чем-то он кому-то понравился.

— Чем?

Катерина обвела взглядом бревенчатые стены, подняла голову к деревянному потолку, с которого свисала старинная медная люстра с шестью стеклянными плафонами в виде керосиновых ламп.

Дом был добротным, красивым даже, если кому нравятся такие вот деревянные двухэтажные терема с массивными ставнями на окнах и тяжелой дверью. Но чтобы в очередь стояли желающие его приобрести...

Нет, такого не ожидала ни она, ни бабка при жизни. Единственное, чего она опасалась, — так это того, что Катька дом профукает, наделав долги.

— Просрешь ведь, кобыла, — стенала она частенько, обходя дом комната за комнатой. — Я наживала, а ты все спустишь.

— Почему? — недоумевала внучка.

Она вроде не давала никогда повода старой женщине думать о себе как о транжирке или бесшабашной девице.

— Наделаешь долгов и просрешь.

— А долги-то с чего появятся?

— Так не проживешь без меня-то, Катька. Не справишься ты с жизнью. Она вон какая!

В этом месте бабка обычно подходила к окну, пялилась за стекло и широко разводила руки в разные стороны, будто весь мир пыталась объять.